

Полежаев Дмитрий Владимирович

д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой
ГАОУ ДПО «Волгоградская государственная
академия последипломного образования»
г. Волгоград, Волгоградская область

**О РЕЛИГИОЗНОЙ УСТАНОВКЕ
РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
(МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ)**

Аннотация: проблема духовно-нравственного воспитания обучающихся и формирования общероссийской гражданской идентичности (в рамках требований ФГОС) необходимо связана в отечественной традиции с поиском религиозно-исторических истоков национального самосознания. Пример исторической личности Петра I и его времени является наглядным с точки зрения полисемантическости научно-исследовательского, мировоззренческого и образовательно-воспитательного измерения людей и событий отечественной истории и культуры. Автором предлагается рассматривать в качестве методологического основания философско-образовательного дискурса феномен менталитета общества / ментальности личности, устойчивый в пространстве исторической темпоральности.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, гражданская идентичность, историческое сознание, философия образования, менталитет.

Рождественские чтения посвящены в этом году 350-летию Петра I. Это, признаем, одна из самых неоднозначных фигур российской истории. Но это – и поистине историческая личность, через восхваления и проклятия вошедшая в отечественные учебники истории. Не случайно же уже его современники кардинально различно оценивали реформы Петра.

Не случайно также, что и сегодня время его правления рассматривается как противоречивое и входит в перечень из 20-ти так называемых «трудных вопросов» отечественной истории, принятых в рамках Историко-культурного

стандарта, точнее учебно-методического комплекса по отечественной истории, переутверженного в октябре 2020 г. Впрочем, заглядывая в прошлое нашей страны, можно спросить себя вполне риторически: а есть ли в русской истории «лёгкие» вопросы?..

Историко-культурный стандарт представляет собой набор дидактических единиц, которые необходимо осваивает выпускник школы для получения итоговой аттестации по предмету «история»: исторические события и их содержание – смысл, значение и звучание для Отечества; исторические даты с контекстуальными уточнениями, вносимыми с развитием исторической науки; исторические имена (как говорится – от Рюрика до Путина), в список которых, что совершенно понятно, входит и имя Петра I, еще при жизни прозванного «Великим».

Это переутверждение Историко-культурного стандарта произошло вслед за подвижками во многих крупномасшабных документах. Мы знаем о недавних поправках в Конституции Российской Федерации, в особенности в области сохранения и защиты исторической правды, об изменениях в области гражданского-патриотического воспитания и формировании общероссийской гражданской идентичности в Федеральном Законе «Об образовании в РФ», об утверждении единой примерной программы воспитания для всех образовательных организаций.

Но мы помним и о Стратегии воспитания граждан РФ на период до 2025 г., о проекте «Патриотическое воспитание граждан РФ». Самым «свежим» документом, необходимо структурирующим пространство образовательной деятельности Волгоградского региона, стала «Концепция организации системы воспитания Волгоградской области» (июль 2021 г.)

Время правления Петра I, прозванного Великим, – время крутых переломов и катастроф: социальных, культурных, языковых, политических, экономических, военных, образовательных, религиозных. Религия, как и всякое иное проявление объективного духа народа, является необходимой характеристикой культуры как социально-исторического и цивилизационного феномена, а установка на религиозное осмысление мира справедливо рассматривается как ментальная составляющая русского мира.

Но рассматривая в комплексе разрушительно-созидаельные пространства, охваченные силой великого преобразователя, мы вполне можем говорить о петровской эпохе перемен, как времени разрушения или созидания культуры, а вместе с ней и человеческой жизни. Конечно же, основой стало переустройство общественного сознания, и прежде всего, утверждение секуляярного мира.

Раньше под «секуляризацией» понималась передача церковного имущества в собственность государства. (В учебнике истории было, помнится, выражение «расцерковление церковных земель»). Сегодня, очевидно, что не только имущество, но и почти все важные области, включая науку, экономику, право, медицину и т. д., человеческой жизни вышли из-под влияния Церкви, богословия и подлежат прямому подчинению ставшего секуляярным человека.

Начатая на западе в эпоху Возрождения и Реформации переделка мира на безрелигиозных секуляярных основах имела корни в индустриальной революции и связанных с ней изменениях в ментальных структурах. Инициаторами был задуман процесс, который в конечном итоге должен был привести к полному искоренению религии. И вот по итогам петровских реформ церковь как социальный институт была нивелирована, превращена в подобие министерства.

Петр I после Великого посольства (1697–1698 гг.) не только полностью отобрал церковное и монастырское имущество в монастырский приказ, но прежде всего сделал все, чтобы отделиться от прошлого, утверждая новые формы жизни. Началом разрыва с устоями, сложившимися в обществе того времени, был указ Петра I о переносе начала года с 1 сентября на 1 января. Напомним, что дата 1 сентября была началом индикта – церковного новолетия начиная с 1492 г.

Секуляризация коснулась и книгоиздательской деятельности: был введен новый шрифт и азбука для печатания «разного звания гражданских книг». Последовал указ о разграничении шрифтов. Церковно-славянским шрифтом печатались книги для церкви, а новым гражданским шрифтом печатались издания светские. Светская книга, оформленная иначе по содержанию и внешнему виду, нежели богословская, сыграла огромную роль в обмирщении русского

книгоиздательства, в особенности это отразилось на носителях «книжной» культуры повседневности.

Когда сегодня речь идет о национальном культурно-религиозном возрождении [1, с. 48-52; 2, с. 131–134], надо понимать, что имеется в виду не механическое возвращение назад, но, прежде всего, восстановление того, что разрушено в русском историческом мире. Возрождение это не столько духовное (национальный русский дух никуда не исчезал), сколько социальное – на первый план выходит активная пропаганда русского духа, русской идеи, вселенской соборности (понимаемой не в узкорелигиозном смысле, но и в смысле социальном, а также и как идея вселенской православной церкви) и идея национальности (понимаемой в том числе, как библейское «несть эллина и иудея»), а также русского космического самосознания (единства с миром).

Это возвращение идет в тесном сопряжении с идеей сопоставления «Запада» и «Востока», «России» и «Европы» и проч. Здесь много недопонимания и стремления к уподоблению, но внешнее сходство может вовсе не предполагать внутреннего, духовного единства, выстроенного в единстве глубинно-психических социально-культурных установок ментального плана, длительное время формирующегося и устойчивого в том числе в пространстве исторической темпоральности [6, с. 77–82].

Но есть и предметно-содержательное измерение данного российско-европейского сопоставления. И исторический пример – эпоха Петра I, время, которое мы можем справедливо отнести к периоду «ментального разрыва», поскольку оно связано с утратой целостной картины мира прошлого и попыткой обретения ее нового видения.

Такого рода примеры «ментальных разрывов» в русской истории известны. О них в свое время говорил русский философ Н.А. Бердяев, выделяя как категорически отличные периоды нашей истории: «Киевская Русь», «Эпоха монголо-татарского нашествия», «Московское русское княжество», «Петровская эпоха», «Большевистский переворот»… [5, с. 101–105]. Можно сегодня говорить о

неопределенности постсоветской России, начавшейся в 1991 г. и не завершившейся до настоящего времени.

«Новая религиозность» 90-х гг.: заполнение духовной пустоты сектами, псевдорелигиями, шизофреническими моделями самопрезентации человека или социальной группы в достаточной мере отражают человеческую потребность в мистическом самосознании, недостаточности рационального мышления в познании окружающего нас мира.

Сегодня постепенно идет возвращение соборности в социальный контекст жизни – на первый план. Это важно, поскольку мировоззренческое единство (общее сходство, а не полное подобие) граждан государства, членов больших и малых этнических и социальных групп в значительной степени определяет морально-этические нормы поведения людей, их деятельность.

Соборность как характерная черта (установка) русского менталитета, относится как к сфере индивидуального (ментальность личности), так и к сфере социального (менталитет народа, нации и др.). Социальная жизнь любого народа, если он осознаёт себя таковым, основывается в значительной степени на единстве мировоззрения индивидов, определённом единообразии в процессе самоидентификации, т.е. положительном соотнесении себя с тем или иным обществом, государством, национальной общностью, социальной группой в региональном пространстве.

В истории России такое единство обеспечивала православная вера, религия, служившая нравственно-организующим началом, объединяющим народ вокруг тех или иных идеалов. Соборность как изначально религиозное понятие выступает здесь как существенный для понимания проблемы русского национального единства духовный феномен, имеющий совершенно определённую национально-русскую окраску.

Известно, что само слово «соборность» непереводимо на иностранные языки и в некоторых иностранных словах записано как «sobornost». Толкуется он, впрочем, по-разному, например, как «единство свободы и нравственности в русском понимании» и др. Но важно, что оно выступает существенной

характеристикой «русскости» того или иного духовно-психического феномена социального или индивидуального планов. Оно является одной из существенных характеристик менталитета русского народа, проявляясь на каждом этапе развития системы ментальных установок общества.

Исследование различных аспектов цивилизационного развития позволяет предположительно выделить некоторые уровни развития менталитета человеческих сообществ вообще – на примере «русской цивилизации», связанные с особенностями духовного освоения человеком окружающего его мира. *Первый уровень* развития человеческой группы характеризуется дорелигиозным (мифологическим) менталитетом. *Второй уровень* связан с религиозно-мистическим постижением тех или иных внешних явлений и характеризуется утверждением соборного менталитета. *Третий уровень*, формирующийся с возрастанием социально-индивидуального человеческого самосознания, сопровождается утверждением секулярного (рационального) менталитета, антропоцентризм (как характерная черта которого) часто воспринимается, как положительное развитие научного знания.

Вместе с тем следует заметить, что представленные нами условные уровни развития менталитета в контексте цивилизационной динамики не являются последовательно сменяющими друг друга этапами. Вполне реально и движение в обратном направлении, и смешанное развитие и т. п., исторические примеры тому известны. Например, формирование «новой мифологии» в донельзя рационализированном современном мире и другие подобные явления, особенно заметные в периоды системных кризисов общества, на тех или иных этапах становления индивида и т. п. По-видимому, здесь должна идти речь об определенной преемственности – для отслеживания положительной динамики, и об устойчивости ментальных установок (в том числе религиозной). Действительно, любая метаистория, характеризующаяся нелинейной упорядоченностью, имеет дело с некоторыми заданностями, закономерностями, а не с конкретными «исторически предопределеными» событиями.

Возможно, есть свои закономерности и перехода от однозначно религиозного взгляда на мир к секулярному. Но сегодня налицо стремление преодоления парадигмы антропоцентризма (например, через попытки построения «секулярной соборности», связанной с абсолютизацией «духа науки» в познании мира). На смену ей приходит парадигма экоцентризма, обращена как к внутреннему миру человека, так и к внешнему миру его, включая бесконечный космос. Функция спасения сегодня становится, таким образом, не только уделом религии, но и задачей науки и философии

В контексте модернизирующейся сегодня социологической теории «культурно-исторических типов» цивилизаций ментальный подход видится теоретически плодотворным в осмыслении проблемы «русской цивилизации», «русского мира». Философское осмысление комплекса социальных проблем современного российского общества (извечных социально-экономических неудач, политico-исторических достижений и возможных перспектив развития) предполагает подробное, углубленное исследование оснований протекающих и намечающихся социальных процессов.

Проблема России как культурно-исторического и социально-политического феномена всегда занимала и занимает сегодня умы отечественных исследователей. Многие идеи русских мыслителей прошлого и в настоящее время представляются небезынтересными и даже значимыми в социально-политическом отношении: «славянское братство», «космизм», «всединство» и др. [3, с. 208–213]. В той или иной форме они проявляются как основы современных социальных и национально-государственных концепций.

Поэтому, например, термин «русская цивилизация» представляется на этом фоне вполне корректным для теоретического и практического применения. Полагаем возможным утверждать, что подробное и основательное изучение «русской цивилизации» невозможно вне принятия в систему научно-философских методов ментального подхода, значимость которого достаточно выпукло проявляется при сопоставлении его с другими научными инструментами, традиционными для исследований последних лет.

Этот аспект важен и с точки зрения идеологической – в смысле обретения несформированной до настоящего времени общероссийской национальной идеи и направленного становления общероссийской гражданской идентичности будущих россиян. Феномен национальной российской идеи также в значительной степени более глубокий, всеобъемлющий и исторически обусловленный для русского общественного сознания, нежели это пытаются сегодня представить некоторые политические деятели.

Известно, что любые идеи проводятся в жизни либо мирно и последовательно, либо революционно и разрушительно. В последнем случае непременно ломает привычное мироустройство и течение жизни, хотя в той или иной степени и используются как политический и социально-экономический контекст, так и глубинно-психический, исторически протяженный и устойчивый ментальный мир народа, общества, государства.

Видится важным, что в этом процессе происходит опора на ментальные конструкты, фиксирующие ценностное содержание наличной культуры, которое в рамках разрабатываемого нами ментального подхода предстает в виде ряда социально-культурных установок менталитета, функционирующих в системе, как глубинно-психический механизм, то есть собственно социальный менталитет, задающий, как векторы национально-государственной, гражданской идентичности индивида и сообщества, так и, справедливо полагать, критерии оценки ее сформированности. Увы, артикулирование их – и в научной литературе и в нормативно-правовых документах – недостаточно четкое, нуждающееся в постоянном содержательно-понятийном наполнении.

В любом случае именно ментальная опора необходима для успешного осуществления тех или иных – революционных или реформационных – социально-политических, культурных, экономических преобразований. В противном случае они в ходе реализации могут не только «самокорректироваться», но и коренным образом видоизменяться: могут угаснуть, не сработав, или перейти в полную свою противоположность. Понятно, что в этом – обычное проявление

законов диалектики. Но уточним, что иногда по своей форме преобразования могут выглядеть, как реализованные, но с утраченным содержанием – пустые.

Такова, мы полагаем, вообще судьба социальных трансформаций, в том числе в сфере образования, не имеющих ментальной опоры – опоры на длительную, «запрятанную» в глубине общественного сознания, историю народа [7, с. 26–29]. Поэтому «ментальный разрыв», как своего рода смена культур, необходимо включает в себя и достаточно жесткий разрыв в религиозном миросозерцании, мировидении и мирочувствии исторического сообщества («русского мира» – по устойчивому в современных российских СМИ выражению) и отдельного человека, являющегося составляющей и неизбывной частью большого социума. Примеры их нам дает и отечественная история – в ее прошлом и настоящем.

Примечание. Настоящий доклад был представлен 23 ноября 2021 г. на открытии Епархиального этапа XXX Международных образовательных Рождественских чтений «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность» по благословению митрополита Волгоградского и Камышинского Феодора.

Список литературы

1. Полежаев Д.В. Современный культурно-религиозный ренессанс: образовательный аспект [Текст] / Д.В. Полежаев // Традиции православной педагогики и гуманизация образования: сб. докл. и выступлений участников Всерос. науч.-практ. конф. Ч. I. – Новокузнецк: Изд во ИПК, 1999. – С. 48–52.
2. Полежаев Д.В. Религиозная установка русского сознания (ментальные опоры современного возрождения) [Текст] / Д.В. Полежаев // Философия и русская провинция: тез. докл. и выступлений IV Рос. симпоз. историков русской философии (3–5 апр. 2000 г.). – Воронеж: ЦЧКИ, 2000. – С. 131–134.
3. Полежаев Д.В. Вл. Соловьёв как предтеча «золотого века» русской философии о религиозном смысле «русской идеи» [Текст] / Д.В. Полежаев // Владимир Соловьёв и философско-культурологическая мысль XX века: матер. Межд. науч. конф. (17–19 мая 2000 г.). – Иваново: Изд во ИвГЭУ, 2000. – С. 208–213.

4. Полежаев Д.В. Истоки и сущность религиозной установки русского менталитета (из отечественной философии «золотого века») [Текст] / Д.В. Полежаев // VERBUM. Альманах центра изучения средневековой культуры СПбГУ. Вып. 3. – СПб.: Изд во СПбГУ, 2000. – С. 382–389.
5. Полежаев Д.В. Новый культурно-религиозный ренессанс и проблема русского менталитета [Текст] / Д.В. Полежаев // Философское осмысление судеб цивилизации: тез. XIV й Ежегодной науч.-практ. конф. каф. философии РАН (29 30 янв. 2001 г.). Ч. II. – М.: Изд во ИФ РАН, 2001. – С. 100–105.
6. Полежаев Д.В. Религиозное в традиции русского сознания (Историко-психологический аспект) [Текст] / Д.В. Полежаев // Государственно-конфессиональные отношения в России: свобода совести и её реализация: матер. науч.-практ. конф. – Волгоград: Изд во ГУ «Издатель», 2001. – С. 77–82.
7. Полежаев Д.В. Тоталитаризм и религиозная установка ментальности личности [Текст] / Д.В. Полежаев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – №6. – С. 26–29.